

Н. А. Астафьева

Литургические покровцы Николо-Перервинского монастыря. Историко-художественное исследование

Исследование посвящено историко-культурному контексту изготовления литургических покровцов из ризницы Николо-Перервинского монастыря, хранящихся в собрании музея-заповедника «Коломенское». В результате было выделено две группы памятников: вещи, выполненные из французских золотых тканей конца XVII – первой трети XVIII в., которые вкладывались, и вещи, выполненные из отечественных парчовых тканей второй половины XVIII – начала XIX в., которые, как вкладывались, так и закупались монастырем. В комплексе покровцов из французского текстиля особое внимание было уделено тканям «bizarre». Изучение неопубликованных описей, расходно-приходных книг XVIII – XIX вв., а также Синодика 1735 г. Николо-Перервинского монастыря позволило установить предполагаемых вкладчиков литургических покровцов, связать группу воздухов из французских тканей с донаторами – представителями знатнейших русских семей петровского времени, а также назвать имена монастырских портных XIX в.

Ключевые слова: музееведение, ткани «bizarre», вкладчики и донаторы, монастырские описи, синодик, монастырские портные

Nadezda A. Astafyeva

Liturgical airs of Nikolo-Perervinskij monastery. Historical and cultural research

This research looks at cultural-historical context of liturgical airs tailoring from the vestry of Nikolaevskij Perervinskij monastery which are kept in the collection of museum «Kolomenskoye». It became possible to distinguish two groups of artifacts: things made from French gold textiles of the late 17th – first third of the 18th century and things made from Russian brocade textiles of the second half of the 18th – early 19th century. The first of them were contributions to the monastery, the second, both contributed and purchased by the monastery. In the complex of liturgical airs made of French textiles, special attention was paid to «bizarre» textiles. Studying of unpublished monastic inventory and account books of the 18th – 19th centuries and Commemoration book 1735 of Nikolaevskij Perervinskij monastery made it possible to identify the alleged contributors of the liturgical airs, to correlate the complex of French textiles airs with donators - representatives of the most noble Russian families of Peter's time and to name the monastery tailors of the XIX century.

Keywords: museology, «bizarre» textiles, contributors and donators, monastic inventory books, commemoration book, monastic tailors

DOI 10.30725/2619-0303-2024-1-6-12

Монастырская ризница с древних времен представляла собой сложный многофункциональный комплекс, являясь свидетелем исторических событий и местом хранения историко-культурных ценностей. Одно из самых значительных мест в монастырских ризницах занимали богослужебные предметы из тканей и облачения священнослужителей.

После октябрьских событий 1917 г. музеефикация монастырских ризниц стала результатом государственной политики национализации монастырей. Основной целью передачи монастырских ризниц в открывавшиеся музеи было спасение памятников дореволюционной эпохи и включение их в новую культурную парадигму общества. Со-

гласно правительственному декрету 1922 г. о церковном имуществе, в обязательном порядке сохранялись памятники, выполненные до 1725 г. Собрания менее крупных монастырей, основная часть ризниц которых сформировалась в XVIII–XIX вв., оказались вторичными в процессе музеефикации. Именно к таким относился и Николо-Перервинский монастырь.

В 1918 г. во время национализации Николо-Перервинский монастырь прекратил юридическое существование как церковное учреждение и был передан общине верующих. Свидетельством продолжавшихся до 1940 г. в монастыре богослужений была передача в обитель антиминсов в 1930-х гг. из уже закрывшихся церквей – московской церкви

святителя Николая на Болвановке (МГОМЗ¹. Инв. Т-59) и Распятской церкви в г. Серпухове (МГОМЗ. Инв. Т-65). В 1923 г. на территории дворцового села Коломенского был открыт музей, первым директором которого стал П. Д. Барановский – выдающийся архитектор-реставратор, подвижник музейного дела, спасавший от уничтожения архитектурные и церковные памятники. Передача отдельных предметов из ризницы Николо-Перервинского монастыря в музей «Коломенское» началась в 1925 г. с поступления единственного памятника – медного литого паникадила XVII в. [1, л. 42] В 1927 г. в музей поступили иконы и резные статуи XVII в., крест с надвратной церкви конца XVII в., Синодик 1735 г., церковный Устав 1641 г. и другие богослужебные книги [1, л. 86]. Сразу после окончательного закрытия Николо-Перервинского монастыря в 1940 г. в музей был передан целый ряд предметов ризничного и церковного имущества, в том числе предметы из тканей [2, л. 9–10 об.]. Сложная история существования обители в 1918–1940 гг. может объяснить факт наличия небольшой, в количестве 41 памятника, музейной коллекции богослужебных предметов из тканей, 17 из которых – литургические покровцы.

В 2018 г. литургические покровцы были опубликованы в каталоге церковных тканей музея-заповедника «Коломенское» [3, с. 70–73, 78–83, 86–90]. Однако памятники никогда не изучались в контексте истории-культурных обстоятельств их изготовления. Настоящий этап связан с изучением неопубликованных архивных материалов Николо-Перервинского монастыря XVIII–XIX вв. (описей ризничного и церковного имущества, расходных книг), Синодика 1735 г. и осмыслением круга предполагаемых вкладчиков и заказчиков литургических покровцов.

Комплект литургических покровцов состоит из трех предметов. Первые два покровца почти квадратной формы закрывают потир и дискос со звездницей, а третий, прямоугольный, называемый воздухом, возлагается на них сверху². В первые века христианства на Ближнем Востоке утилитарно использовались только два покровца, предохранявшие потир и дискос от насекомых. Третий покровец, воздух, был введен в литургическую практику в V в. именно из богословских толкований. Покровец над дискосом символизирует сударь,

покрывавший голову Спасителя во гробе, покровец над потиром – пелены, обвивавшие тело Христа, а воздух – камень, приваленный ко двери гроба [4, с. 16–17]. Со временем воздух получил дополнительную символику плащаницы, в которую было завернуто тело Христа после Распятия [5, с. 24]. Традиционно покровцы выполнялись из шелковых и золотых тканей, состояли из средника с изображением вышитого или накладного креста и каем, наиболее ценные украшались сюжетным шитьем. В конце XVI в. в мастерских царицы Ирины Федоровны Годуновой и боярина Дмитрия Ивановича Годунова была выработана иконография изображений на покровцах, послужившая образцами для ведущих светлиц XVII в. [6, с. 36–37]. На покровце над дискосом изображалась композиция «Агнец Божий», над потиром – «Богоматерь Воплощение», на воздухе – «Христос во гробе». Само изображение «Христос во гробе» было связано с предписанием Трульского собора 691 г., когда вместо образа агнца «предпочтение было отдано антропоморфной репрезентации» [7, с. 60–61, прим. 26]. С начала XVIII в. распространение получили крестчатые покровцы, из-за удобства формы практически заменившие квадратные в XIX в.

Особое, формировавшееся со средневековья отношение русского человека к шелковым и золотым тканям определило практику тканевых монастырских вкладов, составлявших обязательную часть религиозной жизни русского человека. Поэтому одной из основных функций русских монастырей была коммеморативная – общецерковное поминовение родов жертвователей и благодетелей. Вкладчики жертвовали ткани в виде готового платья, кусков и кусочков, при этом богослужебные предметы переделывались в монастырях, и каждый фрагмент подбирался с особой тщательностью. Особо почетными считались вклады литургических покровцов, непосредственно участвовавших в богослужениях при поминовении родов жертвователей. Для пошива покровцов, состоящих из средника и каймы, конструктивно подходили именно куски разных размеров и фрагменты тканей.

Покровцы из Николо-Перервинской ризницы выполнены из кусочков, фрагментов тканей разного времени, разных стилей и производственных центров, что свидетельствует об их переделке из готовой одежды, интерьерных тканей и «спорочков» (частей цельных предметов).

На пяти воздухах и одном покровце из литургических комплектов есть ризничные

¹ МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник «Коломенское–Измайлово»

² Во время литургии священник колеблет им воздух (греч. «аер»), изображая «трус», бывший при Воскресении Христовом.

чернильные пометы: «Допол. № 6-й (МГОМЗ. Инв. Т-34) // Допол. № 13 (МГОМЗ, Инв. Т-29) // Допол. № 15. (МГОМЗ. Инв. Т-39) // Дополнит. № 10-й. (МГОМЗ. Инв. Т-70) // Допол. № 16. (МГОМЗ. Инв. Т-10) // Дополнит. № 11-й (МГОМЗ. Инв. Т-73)». Запись покровцов в дополнительной описи³ может свидетельствовать об их принадлежности к «вещам второго края» [8; 9].

Перервинские литургические покровцы можно разделить на две группы по центрам производства тканей, из которых они выполнены. К первой группе относятся покровцы, выполненные из привозных золотных тканей, а ко второй – покровцы, выполненные из отечественных парчовых тканей.

Первая группа литургических покровцов состоит из 9 памятников, выполненных из кусков французских золотных тканей конца XVII – первой трети XVIII в.

Из французских тканей стелевого направления «bizarre» сшиты четыре покровца. Так, воздух (МГОМЗ. Инв. Т-34) выполнен из куска и полоски парчи начала XVIII в. с узором «bizarre» из переплетенных в цепочку двух лент, орнаментированных соцветиями двух видов. У внешнего края одной из лент – связка из ракообразных фигур и фантазийных удлиненных мотивов с перехватами. Фон парчи заткан золотными нитями, ленты – серебряными нитями, их контуры – золотными, соцветия вытканы золотными нитями и зеленым шелком, контуры разработаны красным шелком.

Средник трех предметов полного литургического комплекта (МГОМЗ. Инв. Т-18, Т-19, Т-20) выполнен из гладкой золотной парчи – глазета, а каймы сшиты из кусков золотной тафты начала XVIII в. с фрагментарно представленным узором «bizarre». По винно-красному фону серебряными нитями и золотисто-желтым шелком вытканы тонкие стебли с крупными фантазийными плодами и цветами, а также с удлиненными зазубренными листьями. Крупные элементы разработаны геометрическими узорами.

Впервые ткани «bizarre» (от англ. «причудливый», «странный») появились во Франции на Лионской шелкоткацкой мануфактуре, затем в Англии – в Спитлфилде, в Италии и производились очень короткий период – с 1695 по 1720 г. Для тканей «bizarre» характерны сочетания диагональных композиций, построенных на соединении фантазийных узоров в виде удлиненных связок с перехватами, зазубренных листьев, ракообразных

фигур, фантастических плодов и изысканного колористического решения лилово-розового, винно-красного, сиренево-серого с зеленым, лиловым, золотым оттенками. Узоры тканей «bizarre» были вдохновлены восточными и барочными мотивами. Сам термин «bizarre» был предложен позже, в 1953 г., датским историком искусств В. Сломанном, выделившим эти ткани в отдельную группу [10]. Дорогостоящее производство, очень ограниченный период выпуска, а также уникальные, ни на что не похожие, практически не повторяющиеся рисунки сделали ткани «bizarre» доступными представителям исключительно высшего общества.

Сохранившиеся в отечественных музеях ткани «bizarre» представлены достаточно ограничено и преимущественно в фрагментах [11, с. 156–159]. В музее «Коломенское» помимо исследуемых покровцов хранится также епитрахиль из ткани «bizarre» [3, с. 178–179]. В собрании музея «Александровская слобода» находится стихарь с зарукавьями из ткани «bizarre» (Инв. Тк-43). Царевна Марфа Алексеевна Романова вложила в Успенский женский монастырь Александровской слободы, где она приняла постриг, одежду из этой ткани, из которой впоследствии в ее монастырской мастерской была изготовлена фелонь [12]. Облачение не сохранилось до настоящего времени, однако о нем свидетельствует фотография Проскудина-Горского 1911 г.

Средники следующих трех предметов литургического комплекта (МГОМЗ. Инв. Т-37, Т-38, Т-39) из группы, выполненной из французских тканей, сшиты из кусков золотного атласа начала XVIII в. с фрагментарно представленным узором. По голубому фону серебряными нитями различного вида выткан «кружевной узор» из многоярусного цветочного букета с листьями в окружении ажурных лент. Каймы сшиты из кусочков и фрагментов золотной тафты 1730–1740-х гг. с фрагментарным вертикальным узором из цветочных многолепестковых связок с листьями. Узор выткан золотными нитями различного вида и шелками голубого, синего, сиреневого, малинового, желтого, зеленого и серебристого цветов.

Средник следующих покровца и воздуха из литургического комплекта (МГОМЗ. Инв. Т-8, Т-10) из группы, выполненной из привозных тканей, сшит из кусочков золотного шелка первой четверти XVIII в. с фрагментарным «кружевным узором» из пышных цветов, плодов и листьев, вытканых золотными нитями по красному фону репсовой выработки. Каймы выполнены из кусков шелка

³ Дополнительными описями в русских монастырях назывались описи вновь прибывших, перешитых церковных вещей.

1730–1740-х гг. с фрагментарным узором из пышных цветов нескольких видов и плодов с листьями. Цветы вытканы разного оттенка красным, малиновым, синим, разного оттенка зеленым, синим шелками со светотеновой моделировкой, контуры выделены коричневым шелком.

Все перечисленные выше ткани, вне сомнения, относятся к французскому производству. Следует отметить, что с последней четверти XVII в. французские ткани считались лучшими в Европе. Усовершенствование лионским ткачом Дангоном ткацкого станка и привлечение к дизайну рисунков лучших художников Франции способствовали их успеху.

Для французских тканей последней четверти XVII в. композиционно характерны пышные сложные узоры с тщательной проработкой фона и деталей с выделением центрального элемента. Широкое распространение кружев вплоть до конца XVIII в. послужило возникновению так называемого «кружевного узора».

В орнаменте французских тканей первой трети XVIII в. преобладали растительные узоры натуралистического характера с изображениями конкретных цветов и плодов, часто в натуральную величину. Эти мотивы выстраивались композиционно по вертикали вьющимися лентами. Для цветовой гаммы тканей этого периода характерно множество тонов, оттенков, что создавало объемный рисунок. Богатство цветовой гаммы объяснялось привозимыми из Азии и Америки красителями.

Широкое использование французских тканей в России к началу XVIII в. было связано с предписаниями императора Петра I, касающимися нововведенного придворного платья по французской моде. Новые типы одежды (кафтаны, камзолы, роброны), а также интерьеры, обставленные на европейский лад, требовали новых шелковых тканей – более легких, с изящными кружевными, натуралистичными цветочными рисунками, с объемной светотеновой разработкой [13].

Большой спрос в аристократическом обществе на французские ткани конца XVII – первой четверти XVIII в. и еще не окрепшее к этому времени отечественное шелкоткацкое производство объясняют достаточное количество этих тканей в коллекциях отечественных музеев [14, с. 17–33].

Учитывая датировки – конец XVII – 1740 г. – и бытование особо ценимых французских тканей в высшем сословии русского общества, можно предположить круг владель-

цев этих тканей. Вкладчики в Николо-Перервинский монастырь, как готового платья, так и фрагментов привозных тканей, принадлежали, вне сомнения, к придворному кругу. В музее-заповеднике «Коломенское» хранится уникальный рукописный памятник – Синодик Николо-Перервинского монастыря 1735 г. [15]. Согласно сведениям этого документа, к донаторам и вкладчикам петровского времени относятся члены знатнейших русских семей. Среди них – князь Михаил Яковлевич Черкасский, стольник 8-летнего царевича Петра, воевода Великого Новгорода [15, л. 123–124]; боярин Алексей Петрович Салтыков – московский и казанский губернатор [15, л. 226 об.]; князья Трубецкие – Иван Юрьевич, генерал-фельдмаршал, соратник императора Петра I, и Юрий Юрьевич, сенатор [15; л. 149 об.]; князь Григорий Дмитриевич Юсупов – генерал-аншеф [15, л. 154–154 об.].

Вторая группа изучаемых литургических покровцов состоит из 8 памятников, выполненных из кусков и фрагментов золотных тканей русского производства второй половины XVIII – начала XIX в. Известно, что композиционно-стилистическое решение отечественных парчовых тканей развивалось в контексте общеевропейских стилей этого времени: рококо, классицизма, ампира. Своеобразие русских тканей больше проявлялось на технико-технологическом уровне и достигалось за счет применения бити, мишурных нитей различной крутки, шелков локальных цветов без полутонов, синели, введении черного, темно-коричневого шелка в деталях. Толщина парчовых тканей создавалась также добавлением бумажных нитей в основу, иногда в уток.

Из парчи середины XVIII в. с узором из вертикальных толстых волнистых стеблей, проработанных перистыми листьями, горошинами, в изгибах которых расположены букеты маленьких роз, выполнен средник трех предметов литургического комплекта (МГОМЗ. Инв. Т-70, Т-71, Т-72). Фон парчи заткан серебряными нитями, стебли – золотными нитями и серебряной битью, горошины – белым шелком, букеты – красным, зеленым, песочным, черным шелками и брусничной синелью. Каймы всех трех памятников выполнены из гладкой серебряной парчи глазета, затканного битью.

Этот комплект может быть соотнесен с вкладом князей Касаткиных, отмеченным в описи ризничных и церковных вещей Николаевского Перервинского монастыря 1813 г. [16, л. 73 об.] и в описи 1814 г. [17, л. 84]: «Воздух и два покровца парчевые по белой земле

золотые и разных шелков травы кругом в три вершка обложены серебряным мором, по краям вокруг золотою бахромою... вклад по фамилии князей Косаткиных...».

Из аналогичной ткани парчи средника покровцов выполнен стихарь Николо-Перервинского монастыря (МГОМЗ. Инв. Т-83), что может свидетельствовать о практике изготовлении комплекта вещей и единовременном поновлении ризницы.

Средник покровца и воздуха из следующего литургического комплекта (МГОМЗ. Инв. Т-2, Т-73) выполнен из кусков парчи середины XVIII в. с узором из рогов изобилия с букетами маленьких роз и веточек, расположенных в шахматном порядке, окруженных толстыми перистыми и тонкими стеблями с колокольчиками, в сочленениях которых расположены пышные соцветия. Фон парчи заткан мишурными нитями, перистые стебли – серебряной и золотной битью, тонкие стебли и колокольчики – белым, красным, брусничным, зеленым шелками и голубой синелью, контуры отмечены коричневым шелком. Каймы покровцов выполнены из гладкой парчи – газета, с полосатым узором, затканной золотными нитями и битью.

Покровец и воздух могут быть соотнесены с описанием в двух описях 1813 г.⁴: «Воздухи парчевые по белой земле вокруг обложены золотым мором дорощатым...» [16, л. 74; 18, л. 62].

Из следующего литургического комплекта сохранился только один покровец (МГОМЗ. Инв. Т-3). Он выполнен из куска парчи конца XVIII в. с узором из букетов маленьких роз в корзинках с венками в основании, расположенных в шахматном порядке и окруженных виноградными кистями, в сочленениях которых – пышный цветок на стебле. Фон заткан серебряной битью, виноградные кисти, цветы, корзинки вытканы песочным, разного оттенка красным, синим, коричневым шелком в бархатной технике, контуры отмечены коричневой синелью, цветок – мишурными нитями.

Из еще одного комплекта сохранился покровец крестчатой формы (МГОМЗ. Инв. Т-78). Он выполнен из парчовых тканей начала XIX в. Средник выполнен из парчи с узором из мальтийских крестов, вытканых золотными нитями по фону из серебряной бити. Лопастни шиты из кусочков парчи с фрагментарно представленным узором, восстановить который стало возможным благодаря

сопоставлению парчи с другим памятником Николо-Перервинского монастыря – надгробным покровом, хранящимся в музее-заповеднике «Коломенское» (МГОМЗ. Инв. Т-81). Центральным мотивом орнамента является букет в стилизованном вазоне из пышных цветов с листьями и двумя виноградными гроздьями, свисающими в основании. Вокруг центрального мотива расположены два перистых удлинённых листа с цветочной розеткой в основании. Центральный мотив обрамлен волнистой гирляндой из пышных листьев трех видов. Фон парчи заткан серебряной битью. Основной узор выткан золотными нитями различного вида; отдельные элементы узора, стебли, некоторые листья и цветочки розетки – зеленой и красной синелью; контуры каждой виноградины – песочным шелком.

В Главной ризничной описи Перервинского монастыря читаем: «Воздух и при нем два отдельные покроя, у коих середины серебрянаго газета с золотыми крестами, а края парчевые по серебряной земле с золотыми разводами, с шелковыми цветочками и красным и зеленым плюшем; на них в срединах кресты шитые золотом и серебром по карте; вокруг обложены по краям бахромою золотою с канителью, подложены желтою тафтою» [19, л. 96]. Необходимо отметить, что в Перервинском монастыре из этой же парчи были выполнены саккос [19, л. 100 об.], фелонь [19, л. 114], епитрахиль [19, л. 115], набедренник [19, л. 118], поручи [19, л. 121]. Изготовление саккоса – самого парадного облачения русской православной церкви – из русской парчи свидетельствует о ее высокой материальной и художественной ценности⁵.

Наличие в Перервинской ризнице разнообразных облачений, принадлежностей к ним, а также литургических покровцов, выполненных из одной ткани, демонстрирует изменения, происходившие в составе тканевых ризниц с конца XVIII в. Изменения были продиктованы появившейся практикой стандартизации церковной утвари и облачений. Особенностью оформления служб конца XVIII – первой четверти XIX в. была комплектность облачений и богослужебных предметов из тканей. К третьей четверти XVIII в. отечественное парчовое производство окрепло и стало конкурентоспособным, полностью обеспечивая потребности общества в золотных и шелковых узорных тканях.

⁴ Наличие двух описей за один 1813 г. объясняет война 1812 г. Первая опись 1813 г. была книгой сверки-наличия эвакуированного церковного и ризничного имущества.

⁵ В Соловецком монастыре при поновлении ризницы в 1828 г. были заменены станы облачений на парчу с похожим рисунком в сочетании с прежними древними оплечьями и зарукавьями [20, с. 262–265].

Сохранившийся вещественный материал тканевой Перервинской ризницы свидетельствует об использовании для пошива богослужебных вещей со второй половины XVIII в. тканей, в основном, отечественного производства. Отечественные ткани не только вкладывались, как мы наблюдаем на примере покровца «второго кроя» (МГОМЗ. Инв. Т-9), средник которого выполнен из фрагмента вышивки, первоначально украшавшей светское платье, а также комплекта, приписываемого нами к вкладу князей Касаткиных (МГОМЗ. Инв. Т-70, Т-71, Т-72), но и закупались Перервинским монастырем в достаточном количестве [21, л. 2; 22, л. 48 об.].

Изучение Перервинских расходно-приходных книг XIX в. показало, что в монастыре отмечалась как перешивка из старой, чинка, так и «сшитие новой» ризничной вещи, чем занимались портные разного уровня [23, л. 25–25 об.]. Портной Павел Никитич Кпелов [24, л. 10 об.], штатный портной Алексей Дмитриев [24, л. 101 об.] шили облачения и принадлежности к ним. Портной Алексей Диллсереев обшивал облачения [24, л. 70 об.], портной Федор Иванов получал деньги за починку старых облачений [24, л. 123 об.]. Цеховой мастер Аркадий Стефанов занимался перешивкой старых, шитьем новых и починкой ризничных вещей [25, л. 24]. Штатный портной Симонова монастыря Герасим Гаврилов чинил церковную ризницу [26, л. 19 об, 36 об.] и шил новые вещи [27, л. 35 об.]. Портной Сергиева Посада, купец Михаил Дмитриевич Утенин торговал тканями и шил новые облачения и на престольные одежды [27, л. 55 об.; 28, л. 40 об.], ему же заплачено за сшитие «из монастырской серебряной сетки двух воздухов и четырех покровов...с употреблением его приклада» [29, л. 42 об.]. Портной Ярославской губернии Рыбинского уезда деревни Высокой крестьянин Иван Исаев перешивал за ветхостью подкладку у парчовой ризы и чинил ее [30, л. 9 об.]. Дьячку собора Покрова, что на Рву Павлу Соколову было доверено шитье парчовой ризницы из лучших русских парчовых тканей мануфактуры Сапожниковых [31, л. 45; 32, л. 62 об.]. Квалификация крестьянина Ивана Сидорова деревни Старой Коломенского уезда Московской губернии была проще: он чинил облачения и шил овчинные тулупы [32, л. 96 об.].

Роды портных, относящихся к важным и «близким» монастырю людям, также упомянуты в Перервинском рукописном Синодике 1735 г.: портного Михаила Данилова [15, л. 224 об.], портного Ивана Заглядкина [15, л. 229 об.], портного Симонова монастыря

Кузьмы [15, л. 258 об.], портного Алексея Федорова [15, л. 316 об.].

Подводя итоги комплексного исследования музейной коллекции литургических покровцов из Николо-Перервинского монастыря, отмечаем следующее. Одна из групп памятников выполнена из кусков французских золотных тканей конца XVII – первой четверти XVIII в. Французские золотные ткани занимали лидирующее положение в Европе, необычайно высоко ценились в Европе и России. Наличие в ризницах тканей французского «bizarre» свидетельствует о самом высоком статусе вкладчиков и заказчиков монастыря. Все памятники представляют собой «вещи второго кроя», использованные как вкладные. Датировка покровцов этой группы и данные Синодика позволили назвать имена вкладчиков – представителей знатных родов петровского времени.

Еще одна группа музейной коллекции выполнена из русских парчовых тканей второй половины XVIII – начала XIX в. Внимательное прочтение описных книг выявило комплекс несохранившихся вещей. Такие комплексы свидетельствуют о начавшейся с конца XVIII в. практике стандартизации церковной утвари и облачений. Изучение технологических особенностей русских тканей и данные монастырских описей позволили идентифицировать отдельные памятники и предположить их вкладчиков. Изучение архивных документов позволило рассмотреть обстоятельства изготовления воздухов и назвать имена портных – людей XIX в., благодаря труду которых памятники сохранились и дошли до настоящего времени.

Список литературы

1. Книга актов и прочих документов приема экспонатов на постоянное хранение № 1 (1923–1928) // МГОЗМ. Отдел учета.
2. Книга актов и прочих документов приема экспонатов на постоянное хранение № 4 (1940–1964) // МГОЗМ. Отдел учета.
3. Астафьева Н. А. Исторический текстиль XVI – начала XX века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника: каталог. Москва: МГОМЗ, 2018. 260 с.
4. Никольский К. Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 7-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Синод. тип., 1907. 878 с.
5. Иларион, архиеп. Верейский. История плащаницы. Сергиев-Посад, 1912. 58 с.
6. Маясова Н. А. К вопросу об образцах и копиях в древнерусском лицевом шитье // Церковное

шитье в Древней Руси: сб. ст. Москва: «Галарт», 2010. С. 27–37.

7. Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Санкт-Петербург: Алетейа, 2000. 158 с.

8. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 423. Оп. 1. Д. 100. 1813 г.

9. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 203. 1853 г.

10. Slomann V. Bizarre designs in silks. Copenhagen: Munksgaard, 1953. 272 p.

11. Вишневская И. И. Драгоценные ткани. Москва: Художник и книга, 2007. 180 с.

12. Астафьева Н. А. Фелонь из музея-заповедника «Александровская слобода»: атрибуция, культурол. исслед., реставрация // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Санкт-Петербург, 2022. Вып. 62. С. 220–235.

13. Вишневская И. И., Маркова В. И. Итальянские и французские ткани на Руси в XVI–XVIII столетиях: из собр. гос. музеев Моск. Кремля. Москва: Совет художник, 1976. 36 с.

14. Прикладное искусство Франции XVII–X веков: кат. выст. / сост. Л. М. Фролова. Москва: Авангард, 1995. 159 с.

15. Синодик Николо-Перервинского монастыря 1735 г. // МГОЗМ. Фонд «Редкие, рукописные и старопечатные книги». Инв. А-722.

16. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 278. 1813 г.

17. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 102. 1814 г.

18. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 101. 1813 г.

19. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 36. [1859–1861].

20. Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: кат. выст. / авт. вступ. ст. Т. А. Тутова. Москва: Белый берег, 2001. 300 с.

21. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 1. 1759 г.

22. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 13. 1765 г.

23. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 92. 1807 г.

24. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 112. 1826–1827 гг.

25. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 126. 1828–1831 гг.

26. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 171. 1845 г.

27. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 183. 1847 г.

28. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 206. 1858 г.

29. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 209. 1859 г.

30. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 219. 1866 г.

31. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 222. 1868 г.

32. ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 227. 1869 г.

References

1. Book of acts and other documents of acceptance of exhibits for permanent storage № 1 (1923–1928). *Moscow State United Museum-Reserve «Kolomenskoye – Izmailovo» (MSUMR). Accounting department* (in Russ.).

2. Book of acts and other documents of acceptance of exhibits for permanent storage N 4 (1940–1964). *MSUMR. Accounting department* (in Russ.).

3. Astafieva N. A. Historical textiles of the 16th – early 20th centuries in the collection of the Moscow State

United Museum-Reserve: catalogue. Moscow: Moscow State United Museum-Reserve, 2018. 260 (in Russ.).

4. Nikolsky K. T. A manual for the study of the charter of worship of the Orthodox Church. 7th ed., rev. and add. Saint-Petersburg, 1907. 878 (in Russ.).

5. Hilarion, archbishop Vereisky. History of the Shroud. Sergiev Posad, 1912. 58 (in Russ.).

6. Mayasova N. A. On the issue of samples and copies in ancient Russian facial embroidery. *Church embroidery in Ancient Rus'*: coll. of art. Moscow: "Galart", 2010. 27–37 (in Russ.).

7. Taft R. F. Byzantine Church Rite. St. Petersburg: Aletheia, 2000. 158 (in Russ.).

8. Central State Archive of Moscow (CSA Moscow). F. 423. Op. 1. D. 100. 1813 (in Russ.).

9. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 203. 1853

10. Slomann V. Bizarre designs in silks. Copenhagen: Munksgaard, 1953. 272.

11. Vishnevskaya I. I. Precious fabrics. Moscow: Artist and Book, 2007. 180 (in Russ.).

12. Astafieva N. A. Felon from the museum-reserve "Alexandrovskaia Sloboda": attribution, cultural history, research, restoration. *Scientific works of the Saint-Petersburg Academy of Arts*. Saint-Petersburg, 2022. 62, 220–235 (in Russ.).

13. Vishnevskaya I. I., Markova V. I. Italian and French fabrics in Rus' in the 16th–18th centuries: from coll. State museums Moscow Kremlin. Moscow: Sovet. hudozhnik, 1976. 36 (in Russ.).

14. Frolova L. M. (comp.). Applied art of France of the 17th – 20th centuries: cat. exhib. / Moscow: Avangard, 1995. 159 (in Russ.).

15. Synodik of the Nikolo-Perervinsky Monastery 1735. *MSUMR. Rare, handwritten and early printed books fund*. Inv. A-722.

16. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 278. 1813 (in Russ.).

17. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 102. 1814 (in Russ.).

18. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 101. 1813 (in Russ.).

19. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 36. [1859–1861]. (in Russ.).

20. Tutova T. A. (auth. introductory art.). Preserved shrines of the Solovetsky Monastery: cat. exhib. Moscow: Bely Bereg, 2001. 300 (in Russ.).

21. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 1. 1759 (in Russ.).

22. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 13. 1765 (in Russ.).

23. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 92. 1807 (in Russ.).

24. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 112. 1826–1827 (in Russ.).

25. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 126. 1828–1831 (in Russ.).

26. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 171. 1845 (in Russ.).

27. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 183. 1847 (in Russ.).

28. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 206. 1858 (in Russ.).

29. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 209. 1859 (in Russ.).

30. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 219. 1866 (in Russ.).

31. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 222. 1868 (in Russ.).

32. CSA Moscow. F. 423. Op. 1. D. 227. 1869 (in Russ.).